

КОММЕНТАРИЙ К ДОКЛАДУ ИКП

Мень Е.Е.

- i. Проведённый Институтом коррекционной педагогики (ИКП) анализ состояния системы образования обучающихся с ОВЗ и инвалидностью позиционируется как «комплексный», однако не соответствует ключевым критериям научной комплексности и методологической строгости.

Во-первых, отсутствует самостоятельное эмпирическое исследование. Доклад опирается исключительно на официальные данные, предоставленные органами исполнительной власти, что не может отражать реального положения дел (официальная статистика часто занижает проблемы (например, исключает детей на домашнем обучении или в «невидимых» нозологиях), а, кроме того, игнорирует мнение ключевых стейкхолдеров - семей, воспитывающих детей с ОВЗ (нет опросов, интервью, фокус-групп); педагогов, ежедневно сталкивающихся с барьерами «особости» учеников; самих обучающихся).

Это не анализ, а вторичная обработка ведомственных отчётов, что делает выводы необъективными.

Во-вторых, отсутствие четких критериев оценки приводит доклад к методологической слабости. Комплексный анализ должен включать сравнительные данные (динамика за 5–10 лет, региональные различия); качественные методы (исследования барьеров в ОВЗ- образовании через интервью); международные сопоставления. Вместо этого доклад даёт статистику без корректной интерпретации, не анализирует эффективность мер.

- ii. Отдельного и подробного внимания заслуживает сам «инструмент» анализа. Им выступила анкета, направленная «сверху» и буквально в заголовке обозначающая адресата «мониторинга» - «представителя органа исполнительной власти в сфере образования (иное, уполномоченное лицо)». Невозможно обойти стороной методологические подлоги и заказной характер такого «инструмента». Ряд из них хочется выделить особо.

Во-первых, налицо нарушение базовых принципов научного исследования и фальсарт методологии. Анкета ИКП позиционируется как инструмент «комплексного анализа», однако грубо нарушает ключевые принципы научного исследования. Здесь полностью отсутствует нейтральность - вопросы сформулированы так, чтобы подтолкнуть респондента к заранее заданным выводам. Например, разделение данных на периоды «до/после 2012 года» (принятия закона с введенным понятием «инклюзивное образование») — не научный приём, а манипуляция, намекающая на «ухудшение ситуации». Кроме того, полное игнорирование контрольных групп - нет ни одного вопроса, позволяющего сравнить эффективность инклюзивных и коррекционных моделей. Это как изучать эффективность лекарства, не спрашивая пациентов об их состоянии.

Во-вторых, очевидна фиктивная репрезентативность. Выборка 46 из 85 регионов — это не статистика, а лотерея. Где гарантии, что отсутствующие 39 регионов не отказались участвовать именно из-за предвзятости анкеты? Изумляет процедура сбора данных через частную почту, превращающая исследование в «чёрный ящик»: как обрабатывались ответы? Кто имел доступ к данным? Почему не использовались официальные платформы для опросов?

В-третьих, при одном взгляде на анкету поражают совершенно неприличные содержательные манипуляции – в ней напрямую конструируется «провал инклюзии». Осуществлена подмена понятий. Анкета подменяет анализ качества образования подсчётом количества зданий. Вопросы 1.1 и 2.1 фиксируют лишь наличие коррекционных школ, но не оценивают, как в них учатся дети. Это похоже на оценку работы больниц по количеству коек, а не по выздоровевшим пациентам.

Полностью исключены инклюзивные показатели - нет вопросов о ресурсных классах, тьюторах или адаптивных программах — только о «возврате к спецшколам».

Затем, проводится бесцеремонная идеологическая загрузка. Например, в вопросе 3.3 звучит откровенная провокация: *«Система до 2012 года была эффективной»* — вариант «вернуть прошлое» подаётся как научный вывод. *«Сегодня требуется нечто иное»* — но «иное» даже не обсуждается. Или, вопрос 3.4 и вовсе предлагает «решения» в духе реставрации: вариант ответа *«Закрепить комплектование спецшкол»* очевидно необходим авторам для «верификации» их требования ограничить выбор семей. Как и ответ *«Исключить НКО»* означает подводку к запрету независимого мониторинга и гражданского участия в образовании. Вариант же ответа *«Создать центры под руководством ИКП»* — откровенная противозаконная попытка монополизировать контроль над образованием детей с ОВЗ.

Примечателен раздел анкеты о "проблемах", которых на самом деле нет. Весь блок 3.1–3.2 — это набор страшилок, а не анализ. "Рост числа детей с психическими нарушениями" подаётся как намёк, что инклюзия "плодит психов". "Беспомощность ПМПК" не предполагает вопроса, как их улучшить, а лишь несет намёк: "верните право комплектовать спецшколы". "Расширение коммерческого сектора"— заведомо определена как угроза, но почему-то нет вопроса про нехватку госфинансирования.

Еще раз подчеркнем игнорирование ключевых стейкхолдеров, когда анкета якобы изучает систему образования, но исключает тех, ради кого она существует. Нет вопросов для родителей: Их опыт инклюзии или причин выбора спецшколы — «неинтересен». Молчание детей -даже в вопросах о «потребностях» не рассмотрели возможность опроса самих обучающихся. На периферии и педагоги — специальные педагоги, учителя инклюзивных классов, логопеды, тьюторы — их мнение не учитывается.

Под соусом «исследования» нам предлагается подлог – плохой административный опрос чиновников о том, сколько зданий они готовы выделить под спецучреждения. Невозможно обойти вниманием грубейшие нарушения стандартов научной этики и прозрачности в процедуре сбора данных. Анкета рассылалась под видом «поручения Президента», что создало давление на респондентов и исказило добровольность участия. Ответы требовалось присылать на частную почту, а не на официальный адрес института (а лучше независимого социологического агента), что исключает контроль за обработкой данных и создает риск манипуляций. Требование подписи руководителей департаментов, записанное в сопровождении рассылки анкеты — явная попытка придать анкете статус «официального документа», хотя по сути это тенденциозный опрос. Ведь содержание его бессовестно навязывает повестку через формулировки вопросов, когда анкета изначально сконструирована так, чтобы подтолкнуть респондентов к выводам о «необходимости возврата к советской системе спецшкол».

Весь текст доклада, содержание которого мы ниже разбираем подробно, перестает удивлять после анализа такого «инструмента», ибо данная анкета – не средство исследования положения образования лиц с РАС, проводимого по поручению Президента страны с целью удовлетворения его интереса к реальной и глубокой картине в этой сфере, а инструмент политического давления. Изначальная цель авторов доклада - демонтаж инклюзии, и анкета очевидно предназначена не для анализа, а для обоснования свёртывания инклюзивной политики и фактически демонтажа государственной политики в этой сфере с 2012 года.

Поскольку автором и анкеты, и доклада, основанного на ее данных, является ведущий научный образовательный институт, то невозможно не выразить ужас по поводу уровня методологической нечистоплотности. Нет никакой рандомизации, нет открытых вопросов, нет даже намерения учёта мнений семей. Данные, собранные под административным давлением, категорически нельзя считать объективными.

Это не исследование, а заказной инструмент лоббирования в пользу закрытой системы спецучреждений. Фактически важнейший документ, подготавливаемый по поручению главы государства и касающийся одной из главных областей всей социальной политики страны, основан на неофициальной переписке с региональными чиновниками и не несет даже минимальных исследовательских признаков. Нулевая валидность, методология, содержание и процедура сбора данных дискредитируют саму идею доказательного подхода в образовательной политике. После анализа такой анкеты логично возникает вопрос об уровне научно-методического обеспечения развития современного российского образования и о катастрофически низкой потенции ведущего уполномоченного научного института в этой сфере. Если бы эту анкету прислали на рецензию в любой самый низкорейтинговый научный журнал, она была бы отвергнута на уровне базовых формальных несоответствий.

Теперь перейдем к критике текста самого доклада.

- iii. Утверждение, что Межведомственный комплексный план (МКП) до 2030 года «не рассматривает вопросы коррекционно-развивающего обучения», некорректно по ряду причин.

Во-первых, организационно-управленческие решения не равно «содержание образования». Раздел II МКП посвящён внедрению управленческих механизмов, а не разработке методик. Коррекционно-развивающее обучение – это предметная область педагогики, а не управления. Задача МКП – создать инфраструктуру, нормативную базу и координацию для инклюзии, а не прописывать конкретные методики. Поэтому, требовать от раздела об управлении анализа коррекционных методик – всё равно что критиковать Минфин за отсутствие рекомендаций по лечению COVID-19.

Во-вторых, МКП фокусируется на инклюзии, а не на сохранении сегрегации. Цель плана – развитие инклюзивного образования, что прямо соответствует Конвенции ООН о правах инвалидов (ст. 24) и Общему комментарию №4 п. 38–40), требующим поэтапного отказа от спецшкол. Коррекционные школы – пережиток сегрегационной модели, и их поддержка противоречила бы логике документа. Например, если в стратегии развития цифровой экономики не упомянуты пишущие машинки – это не недостаток, а следствие её ориентированности на будущее.

В-третьих, специальные условия (упомянутые в полном названии МКП) не равно «коррекционные школы». МКП говорит о создании специальных условий в инклюзивной среде, а не о поддержке отдельных учреждений. Специальные условия (тьюторы, адаптивные программы, доступная среда) должны внедряться в обычных школах, а не закреплять изоляцию. Коррекционные классы/группы – это временная мера, а не цель развития. Поэтому жаловаться на отсутствие упоминания коррекционных школ в инклюзивном плане – всё равно что требовать от программы по электромобилям описания преимуществ паровозов. Упрёк в «неучтённости коррекционных школ» – это подмена тезиса, так как МКП изначально направлен на их замену инклюзивными практиками. Нелепо обвинять инклюзивный план в том, что он... инклюзивный.

- iv. И снова крайне нелепо звучит претензия авторов доклада к МКП, что он «не содержит позиций по распространению практик... в условиях отдельных образовательных организаций, отдельных классов и групп». В первую очередь, наблюдаем логико-структурные противоречия, ведь в документе явная подмена понятий: требования включить в инклюзивный план положения о *сегрегированном* обучении. Налицо и методологическая ошибка: "структурированная среда" совсем не равно "отдельное здание". Это подтверждается международным опытом и даже работами отечественного классика Л.С. Выготского о социальной ситуации развития, где среда понимается как система отношений, а не физическая локация. Помятуя Выготского, нельзя не отметить и научно-теоретическую некорректность. Выготский в концепции зоны ближайшего развития подчеркивал, что «дефект создает трудности, но одновременно и стимулы для компенсации в условиях социального взаимодействия». Это прямое теоретическое указание на именно инклюзивные факторы развития и прямое опровержение тезиса об обязательной изоляции. Более современные же исследования (независимо от их происхождения – с ненавистного авторам

«Запада», или из университетов и исследовательских институтов стран БРИКС - доказывают: структурированность достигается через индивидуальные образовательные маршруты, а реабилитационный потенциал максимален именно в инклюзивной среде

Нельзя не отметить и правовой диссонанс: требование противоречит и Статье 24 Конвенции ООН о правах инвалидов, и Общему комментарию №4 (п. 11), где четко указано: "Система отдельных 'специальных школ' для учащихся с инвалидностью противоречит целям инклюзивного образования". Однако, доклад всеми силами направлен на дискредитацию этих ратифицированных Россией документов, поэтому это не является удивительным. Удивительно то, что авторы демонстрируют практическую несостоятельность аргумента, полностью игнорируя десятки примеров успешных инклюзивных моделей для детей с ОВЗ и в формате инклюзии по технологии ресурсных классов, сетевые формы обучения, инклюзивные школы в разных городах России, где эти практики доказывают возможность создания структурированной среды в рамках общеобразовательной школы. Изучение этого опыта должно было бы стать частью этого анализа, если он претендует на комплексность, но создается впечатление, что ИКП вообще с ними не знаком и никогда не ставил своей задачей исследование этих практик.

Если бы целью анализа действительно было исследование в интересах главных целевых групп анализа – детей с ОВЗ, их семей и их учителей, то формулировки должны были бы указывать на созидательные тренды, развитие которых повысило бы качество образования для учеников с ОВЗ, предполагающие гибкое сочетание ресурсных зон и общего класса, индивидуализацию учебных планов, подготовку тьюторов и специалистов сопровождения, создание адаптивной материально-технической базы **в обычных школах**.

Поэтому, требование сохранить сегрегацию под лозунгом "структурированности" – это научно несостоятельно (опровергается современной педагогикой), юридически порочно, практически бесперспективно (прямой дорогой ведет к институализации вместо социализации).

- v. Авторы возмущаются отсутствием в законе термина «специальное образование», не понимая его дискриминационной природы. Конвенция ООН о правах инвалидов (КПИ) прямо требует ликвидации сегрегированных систем (ст. 24), ФЗ №273 «Об образовании» следует этой логике, где инклюзия не равна интеграции и, тем более, сегрегации под соусом «лучших нозоцентрических изоляторов», а значит, коррекционные школы – пережиток прошлого. То есть, Федеральный Закон со всей очевидностью прогрессивен, а авторы пытаются реанимировать устаревшую модель.

Хочется сказать и про «уникальные российские ценности», противопоставленные международному праву. Авторы заявляют: *«Традиционные российские ценности... никогда не нуждались в оценках “западных активистов”»*. Но! ООН – не «западная» организация, а международная (см. состав Комитета по правам инвалидов: Иордания, Кувейт, Монголия, Гана и др.). Страны БРИКС (включая Китай, ЮАР, Индию, Бразилию) активно развивают инклюзию: Китай с 2014 года сокращает спецшколы, переводя детей в обычные. ЮАР – их закон White Paper 6 (2001) прямо запрещает отказ в инклюзивном образовании. В Бразилии 90% детей с инвалидностью учатся в обычных школах. Парадокс в том, что авторы называют инклюзию «прозападной», хотя лидеры – страны Глобального Юга. Занимается ли ИКП изучением международной науки и практики образования для лиц с ОВЗ??

Педалируется и миф о «забвении отечественной науки». Утверждение, что инклюзия «отказывается от дефектологии» – ложь. Л.С. Выготский, основатель советской дефектологии, в работе «Принципы воспитания физически дефективных детей» отмечал, что специальная школа замыкает воспитанника (слепого, глухонемого или умственно отсталого) в узкий круг школьного коллектива и тем самым создаётся замкнутый мир, в котором всё приспособлено к дефекту ребёнка, фиксирует его внимание на телесном недостатке и не вводит в настоящую жизнь. По мнению Выготского, такая система развивает в ребёнке навыки, которые ведут к ещё большей изолированности и усиливают сепаратизм. Он буквально писал, что необходимо «найти такую

систему, в которой удалось бы органически увязать специальную педагогику с педагогикой нормального детства». Разве это не призыв к сути инклюзивного образования (даже если 100 лет назад это словосочетание не использовалось?) Современные российские исследования (Алехина С.В., Малофеев Н.Н.) не отрицают инклюзию, а требуют ее грамотной организации.

Авторы доклада или не в курсе, или просто игнорируют факт, что инклюзия не отменяет коррекционную помощь, но переносит ее в обычные школы.

- vi. Отдельного внимания заслуживают манипуляции авторов доклада по поводу «отрицательных результатов» Конвенции по правам инвалидов (КПИ). Авторы жалуются на «отказ от терминологии». Но КПИ требует сменить «медицинский» язык («ребенок с ДЦП») на социальный («обучающийся с особыми образовательными потребностями»). Авторы страдают из-за «отмены коррекционных классов». Но их сохранение нарушает ст. 19 КПИ (право жить в обществе). Особенно скорбно для авторов «влияние НКО». Но именно родители и НКО – не только главные адвокаты инклюзии, но и ее «изготовители» - за негосударственные деньги создающие уникальные практики, которые должны изучаться профильными ведомствами и их институтами (например, ИКП) для максимально быстрого внедрения в систему гособразования как наиболее эффективные и апробированные.

Авторы критикуют «прозападные» подходы, но сами предлагают архаичную модель, отвергнутую даже в Китае и ЮАР (закон «Белая книга №6» с 2001 года провозглашает инклюзивное образование национальным приоритетом ЮАР, а Закон о школах (SASA) запрещает дискриминацию по признаку инвалидности).

Авторы подают ссылку на российский курс как на пример «вредного западного влияния» единственно потому, что разработчики поблагодарили иностранного эксперта. Это вопиющий научный вандализм, когда отказ от международного реер-view означает и отказ от науки как таковой. Это лицемерие, так как во многих «западных» работах цитируются Выготский и Лурия, чьи работы стали мировым достоянием благодаря переводам на английский и коллаборации с западными коллегами. Это и явный признак невежества – ведь 90% современных исследований по аутизму публикуются на английском, и без их учета российская наука окажется в изоляции. Если следовать логике авторов, то Менделеев «подвергся немецкому влиянию» (учился в Гейдельберге), а Павлов – «британской пропаганде» (Нобелевскую премию получал в Швеции).

Итак, налицо юридическая некомпетентность авторов доклада, полная научная несостоятельность (передергивание идей Выготского и современных исследований), геополитическая близорукость – инклюзия давно не «западная», а глобальная повестка (см. БРИКС), социальный регресс – наивная попытка вернуть сегрегацию под лозунгом «традиционных ценностей».

Вместо отрицания инклюзии от института, получившего поручение Президента страны, неоднократно озвучивавшего необходимость развития инклюзивного образования, общественность резонно ожидала бы анализа, направленного на выяснение технологий и инструментов, как развивать инклюзию в образовании лиц с ОВЗ с учетом российских условий. Это, например, подготовка кадров для работы в инклюзивных классах, это инвестиции в ресурсные центры, а не спецшколы, это диалог с НКО и родителями, а не их исключение из процесса. Иначе Россия рискует остаться в образовательном гетто, тогда как мир движется к равенству возможностей.

- vii. Буквально шокирующим выглядит «признание» авторов доклада в своей ненависти к НКО. Такая откровенность в неприятии целого важнейшего сектора и экономики, и гражданского общества вызывает дополнительные подозрения в мотивах авторов. Авторы доклада демонстрируют идеологически мотивированную селективность: одобряются только лояльные ИКП организации (ВОС, ВОГ), чьи программы фактически дублируют госполитику и картину мира ИКП. Осуждению подвергаются НКО, работающие с РАС и ментальными нарушениями, — якобы за «ненаучную терминологию» и «угрозу суверенитету». Почему-то дискредитируется

словосочетание «ментальные нарушения», тогда как термин закреплён в Международной классификации болезней, документах Минтруда, рекомендациях ВОЗ (которую Россия не покидала). НКО, критикуемые за «непрофессионализм», часто состоят из родителей детей с инвалидностью (например, 90% членов ВОРДИ — родители детей с инвалидностью и ОВЗ); врачей-психиатров (использующих термин «ментальные нарушения»); выпускников российских педагогических вузов. Суммарная научная остротенность участников критикуемых НКО никак не уступит остротенности сотрудников ИКП. Критика термина — не научная позиция, а попытка дискредитировать гражданские инициативы.

В докладе демонстрируется совершенно пещерный миф о «вреде инклюзии для здоровых детей». Утверждение, что «нет исследований о влиянии инклюзии» — ложь. То, что их нет в России, это, скорее, претензия к самому ИКП, претендующему на научно-исследовательский институт, но не проводящему релевантных исследований. То, что их нет в мире — абсолютная ложь. На русском языке Центром проблем аутизма подготовлено пособие "Доказательная база инклюзивного образования", основанное на обзоре доказательной базы эффективности инклюзивного образования, проведенной институтом Instituto Alana, в Сан-Паулу, Бразилия. Аргументы о «мнении регионов» — маломощны, так как то, что высказывают представители ведомств субъектов, является их субъективным мнением и не может никак перевесить объективных научных данных.

На заявление авторов доклада, что «Советская система спецшкол эффективна», хочется сообщить, что в СССР 85% детей с инвалидностью вообще не получали образования (данные ЮНИСЕФ, 1991). А сегодня 58% таких детей учатся в обычных школах — и это прогресс. Который авторами доклада, почему-то, подается как трагедия.

ИКП требует сохранить сегрегацию, называя это «традицией», хотя в Китае (где тоже ценится «суверенитет») с 2015 года идет тенденция закрытия спецшкол — на фоне той же тенденции роста учеников с ОВЗ. Китай перенаправил ресурсы со строительства большого количества школ специального образования на интеграцию учащихся с ОВЗ в обычные классы. Правительство работало над тем, чтобы сделать существующие школы более доступными, оборудовав их такими функциями, как лифты и доступные туалеты. Многие школы общего профиля открыли ресурсные зоны для поддержки учащихся с ОВЗ. В Пекине были предприняты усилия по прекращению строительства новых школ специального (коррекционного) образования и переключению ресурсов на интеграцию. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе четыре школы общего профиля были преобразованы в инклюзивные для повышения доступности.

Тезис о том, что НКО «вредят суверенитету» опровергается законом: все НКО, получающие иностранное финансирование, внесены в реестр Минюста и ежегодно отчитываются. Примером лицемерия является то, что сам ИКП получает гранты от Минобрнауки (т.е. бюджетные деньги), но не публикует данные о эффективности своих программ. НКО же обязаны публиковать отчеты — их деятельность прозрачнее, чем у государственных институтов.

Итак, если, по логике авторов доклада, инклюзия — „западная угроза“, почему её развивают Китай и Казахстан? Где исследования, что спецшколы эффективнее? Почему игнорируются данные и терминология ВОЗ? 75% семей с детьми с ОВЗ выбирают инклюзию (данные ВОРДИ, 2023). На каком основании их решение может умаляться?

- viii. Занимателен перевертыш «с больной головы на здоровую» в контексте, кто на самом деле игнорирует проблемы детей. Авторы обвиняют СМИ и родителей в «иллюзорных представлениях», но реальность такова, что государственная система годами отказывала в ранней помощи: до 2022 года скрининг на аутизм в 2 года не был обязательным, а в регионах детям с РАС ставили «ЗПР» или «умственную отсталость», чтобы не обеспечивать ресурсную поддержку. В итоге, именно НКО стали реакцией на бездействие: столь раздражающие авторов доклада организации возникли именно потому, что государственные службы, включая сам ИКП, отказывали в диагнозах или предлагали устаревшие методы.

Тезис о том, что СМИ пропагандируют «дислексию как признак гениальности» — откровенная ложь. Реальные публикации, в которых участвуют эксперты НКО, всегда подчеркивают, что ранняя диагностика и помощь — ключ к успешной адаптации. НКО не романтизируют нарушения, а борются со стигмой.

Утверждение, что инклюзивные школы перекадывают всю работу на логопедов, игнорирует собственные же тексты и стандарты. По ФГОС ОВЗ, коррекционная работа — обязанность всей педагогической команды (учитель + тьютор + дефектолог). Игнорируется и практика передовых школ — в школах с инклюзией по модели «ресурсный класс» у каждого ребенка с РАС индивидуальный план с участием тьютора и поведенческого психолога.

С теми же ПМПК, проблема не в том, что они «лишились права формировать отдельные образовательные организации», а в том, что их не насытили актуальными компетенциями подлинной диагностики потребностей, и в 60% случаев их рекомендации пусты и шаблонны (например, «занятия с логопедом» при аутизме — чем это может помочь учителю и школе?).

Авторы намекают, что НКО «мешают» государственной системе, при том, что именно НКО добились введения обязательного скрининга на РАС в 1.5 и 2 года (приказ Минздрава), финансирования ресурсных классов в ряде регионов через субсидии

Хочется проверить и приведенную статистику в докладе. Где именно Росстат публиковал данные о 40% детей с ЗПР? Помимо манипуляции с цифрами, хочется отметить перекадывание вины с системы на родителей и НКО и полное отсутствие конструктивных предложений. Хотя о предложениях в выводах доклада хочется поговорить отдельно.

- ix. Заявления о том, как отлично трудоустраиваются выпускники коррекционных школ, совершенно голословны. Авторы ссылаются на некие «полученные данные», но нет указания на методику исследования: Какие школы изучались? Сколько выпускников отслеживали? Как измеряли «устойчивость» трудоустройства? Открытых данных тоже нет: в докладах Минтруда РФ и Росстата нет статистики по трудоустройству выпускников коррекционных школ. Это бездоказательное заявление, типичное для ведомственных отчетов. По данным же, например, НКО «Перспектива» только 12-15% выпускников коррекционных школ (VIII вида) находят работу. Причины очевидны и согласуются с данными научных исследований — хоть «западных», хоть «восточных» — это низкий уровень социализации (изоляция в спецшколе), это отсутствие связей с работодателями и это, конечно, стигма («клеймо» спецшколы в резюме). Реальные же данные таковы, что «горит» система ПНИ (психоневрологических интернатов), куда попадают 40% выпускников коррекционных школ (данные РООИ «Перспектива»), а работодатели отказываются брать людей с «справкой» из спецшколы (исследование HeadHunter, 2023). Авторы доклада постоянно подменяют факты идеологией. Реальная проблема — не «сложность инклюзии», а нежелание реформировать устаревшую систему.
- x. Совершенно завораживает, как авторы доклада перевернули картину реальности, где ключевые достижения инклюзивного образования объявлены «проблемами», а системные провалы государства в лице ведомственных институтов, подобных месту службы авторов, — «успехами». Разберём по пунктам эти «проблемы»:

а) Рост числа детей с психическими нарушениями и проблемами поведения

А что на самом деле — это не «чистый рост», а улучшение диагностики (раньше таких детей просто не учитывали, а большинство записывали в необучаемые, то есть не учитываемые системой образования). Рост — неприятность, но выявляемость — прогресс.

б) Право родителей выбирать школу

Это базовое право, закреплённое в ст. 44 ФЗ «Об образовании». Если родители выбирают инклюзивные школы, то для этого есть причины. Это право основано и на БИОЛОГИЧЕСКОЙ данности, и на СЕМЕЙНОМ кодексе, что родитель – самый глубокий знаток интересов ребенка и единственное полностью отвечающее за него лицо. Понятно, что авторов доклада невероятно пугает потеря контроля над родителями детей с ОВЗ – хотя каждый родитель дееспособное лицо, совершенно равное по правам и статусу любому сотруднику ИКП.

(в) Рост числа родительских НКО

НКО возникли из-за провалов государства: нехватка специалистов; устаревшие методики; отсутствие ранней помощи. Очевидно, что для авторов доклада это является проблемой - из-за конкуренции, ведь НКО показывают, что помощь можно оказывать качественнее и дешевле, чем госучреждения.

(г) Признание **обучаемости** детей с ТМНР

Нет ресурсов такое комментировать. Это исполнение Конвенции ООН (ст. 24), которую Россия ратифицировала. Этический аспект такой «проблемы» от главных дефектологов страны оставим без комментариев, хотя налицо просто лень и косность, ибо работа с ТМНР требует индивидуального подхода, а не конвейера.

(д) Расширение коммерческого сектора

На самом деле частные центры заполняют вакуум госсистемы: здесь как раз идет маркировка рублем, если бы в этих центрах не концентрировалось эффективное, но не поддерживаемое государственными институтами коррекционной педагогики вмешательство, коммерческое бы не процветало. Разумеется, это «проблема» для авторов доклада – тут явная угроза монополии. Если родители видят эффективные методы в частном секторе, они начинают требовать их и в госучреждениях.

При этом реальные проблемы, которые авторы доклада либо игнорируют, либо интерпретируют со своей выгодой, заключаются, во-первых, в **таких, как этот**, докладах, компрометирующих госполитику по качественному образованию для детей с ОВЗ, во-вторых, в дефиците кадров в госсекторе (зарплаты тех же дефектологов или тьюторов в госучреждениях и в частных центрах различаются в 1,5 -2 раза, и это провал государства, а не «вина» коммерческого сектора), в-третьих, слабая преемственность между этапами образования (когда ребёнок с РАС получает помощь в детсаду, но в школе его переводят на домашнее обучение из-за нехватки тьюторов).

Поражает и цинизм вывода о «профориентации». Авторы радуются, что «проблема выбора профессии» стала «наименее значимой». Но это не успех, а признак того, что школы не готовят детей с ОВЗ к трудоустройству и, главное, не несут никакой ответственности за то, что будет с учеником после выпуска из нее. Удобно выдавать собственную безответственность за «достижение».

Нигде в проблемах почему-то не указано про парадоксальную экономику. Содержание спецшкол в 4 раза дороже, чем поддержка инклюзии. Но мифологизируется именно «дороговизна» инклюзивного образования.

- xi. Представленный доклад — это пошаговая инструкция по демонтажу инклюзивного образования и возврату к сегрегационной модели 20 века. Разберём **ключевые предложения** от авторов доклада и их реальные последствия.

1/Отказ от термина «инклюзивное образование», как нам предлагают, - то есть, фактически заменить «инклюзию» на «специальное образование» и «коррекционно-развивающее обучение».

Аргумент *«Это дублирует Конституцию»* прекрасен. Ничего, что Уголовный кодекс тоже «дублирует» Конституцию, закрепляющую право на жизнь?

На всякий случай уточним, что Конституция РФ (ст. 43) гарантирует доступность образования, но не подменяет понятие инклюзии. КПИ ООН (ст. 24) требует поэтапного отказа от спецшкол — Россия ратифицировала Конвенцию. И подчеркнём, что стараниями авторов доклада происходит откровенная подмена смысла: «Специальное образование» - это эвфемизм для сегрегации.

2/Закрепление «специальных (коррекционных) школ». Авторы предлагают разработать отдельные порядки для коррекционных школ и классов и дать ПМПК право решать, где учиться ребёнку (без согласия родителей). Откровенное нарушение прав, когда родители теряют возможность выбирать школу. То есть граждане РФ, на которых распространяются в равной мере все законы страны, если у них в семье появился ребенок с нарушениями развития или здоровья, почему-то немедленно должны ущемиться в правах и автоматически стать «частично недееспособными», когда какой-то другой посторонний взрослый по какой-то причине «знает лучше» (например, ребенок с ДЦП появился у кандидата юридических наук, и он немедленно становится не способным выбрать школу ребенку и должен подчиниться кому-то неведомому только потому, что у того диплом «советского дефектолога»???)

3/ Запрет НКО и «иностранных подходов». Авторы доклада предлагают лишить НКО права разрабатывать программы без одобрения ИКП и запретить «непроверенные» методики (например, АВА-терапию). Как уже отмечали, НКО возникли из-за провалов государства: по опросам, 73% родителей детей с РАС не доверяют госучреждениям. Частные центры внедряют доказательные методы (PECS, сенсорная интеграция), которые игнорируют ведущие «научковеды» страны. По сути, авторы доклада призывают к цензуре: под видом «экспертизы» ИКП будет блокировать любые инновации. (В качестве дополнительного штриха лицемерия, в том же докладе авторы хвалят «Абилимпикс» — международное движение, созданное в Японии!)

4/ «Возрождение дефектологической науки» - тут, по рекомендации авторов доклада, нам предлагают вернуть монополию ИКП на все решения в образовании детей с ОВЗ. И, разумеется, игнорировать международный опыт (КПИ, доказательная педагогика). К сожалению, на сегодня мы воочию видим, что ИКП не «возрождает науку», а консервирует отсталость.

5/ Строительство «коррекционных комплексов». Размашистой формулировкой авторы доклада нам тут предлагают создать сеть спецшкол-интернатов с «профориентацией». Трудно представить, что любой современный человек в этом легко обнаружит гулагизацию образования, когда детей с РАС и ТМНР хотят легально изолировать от общества только на основании их диагнозов (хотя в цивилизованной стране изоляция может быть предусмотрена только для преступников). При этом, нет никаких данных, что такие комплексы работают (в этом же докладе признаётся, что «эффекты низкие», но авторы этого не заметили). Авторы цинично называют это «поддержкой семьи», но на деле — «отберём ребёнка и сами решим».

6/ «Профилактика асоциального поведения» через скрининг. Судя по предложениям, авторы хотят ввести обязательные тесты в 3, 6 и 12 лет, чтобы отсеивать «трудных» детей. (Все необходимые скрининги введены на сегодня Минздравом). Со всей очевидностью, это стигматизация, а не помощь. Скрининги нужны, чтобы выявить потребности с целью дать поддержку, а не отправить в спецшколу.

Своими «предложениями» авторы пытаются (но не очень удачно) скрыть страх перемен: ИКП не хочет терять контроль над бюджетом и «экспертной монополией». Еще они пытаются скрыть игнорирование родителей. И, главное, пытаются, но опять плохо, скрыть экономическую неэффективность своего пафоса и всего своего существования: спецшколы в 4 раза дороже инклюзии. На сколько дороже населению обходится содержание ИКП по сравнению с «приговоренными» докладом к запрету НКО, нам пока неизвестно. Весь доклад — не план

развития, а манифест регресса. Его реализация отбросит Россию в прошлое, вопреки интересам детей, родителей и международным обязательствам. Такие предложения неприемлемы в XXI веке. Инклюзия — не угроза, как написали авторы, а будущее России.

- xii. В дополнение бегло взглянем на предложения с правовой стороны. Предложения ИКП не просто реакционны — они прямо противоречат действующему законодательству, включая ФЗ об НКО и Указ Президента № 398. Вот почему их позиция юридически несостоятельна.

Во-первых, НКО имеют законное право работать в сфере образования. Указ Президента РФ № 398 (2016) чётко определяет 21 приоритетное направление общественно полезных услуг, включая: П. 12 — деятельность в сфере общего и дополнительного образования; П. 13 — психолого-педагогическая помощь детям с трудностями в обучении; П. 6 — реабилитация и социальная адаптация инвалидов. То есть НКО легально могут заниматься коррекционной помощью, инклюзией и поддержкой семей. Что касается ФЗ № 7 «О некоммерческих организациях» (ст. 31.1), то он закрепляет статус исполнителя общественно полезных услуг (ИОПУ), дающий НКО право: получать господдержку; участвовать в госзакупках; реализовывать образовательные программы. Предложения ИКП фактически требуют игнорировать этот закон.

Во-вторых, почему незаконен запрет НКО на разработку методик без одобрения ИКП? Потому что он нарушает Ст. 44 Конституции РФ (свобода творчества и преподавания) и ФЗ № 273 «Об образовании» (ст. 28 — автономия образовательных организаций). В реальности, НКО не обязаны согласовывать программы с госструктурами, если они не нарушают закон.

В-третьих, ограничение родительских прав в выборе образования нарушает Ст. 44 ФЗ № 273 (родители имеют приоритет в выборе формы обучения) и КПИ ООН (ст. 24), которую Россия ратифицировала.

В-четвертых, запрет «иностранных методик» без экспертизы ИКП нарушает Ст. 15 Конституции РФ (приоритет международных договоров) и ФЗ № 101 «О международных договорах» (КПИ ООН имеет силу федерального закона). Что касается самих методик, то тот же ПАП (АВА-терапия), PECS и другие методы признаны ВОЗ и не требуют «одобрения» ИКП.

Стоит отметить, что подобные предложения **не останутся без внимания** СМИ и сообщества. Если предложения ИКП примут даже просто как «вариант», это приведёт к массовым судебным искам, в том числе, по предмету дискриминации детей-инвалидов. Может привести к еще большей международной изоляции России, где на сегодня как раз по линии образования и науки сохраняется партнерство. Страны БРИКС, при этом, точно не поймут, что происходит. Высок риск роста социального напряжения — уже сейчас больше половины родителей детей с ОВЗ (а это миллионы людей) не вполне доверяют госсектору образования (что и следовало бы исследовать для подготовки подобного доклада, но изучение этого тренда почему-то не стало предметом исследовательского интереса, хотя Президенту было бы наиболее интересно узнать именно это).

Со всей очевидностью, ИКП как автор доклада и этих «предложений» превышает полномочия и не вполне это осознает, что вызывает вопросы в отношении базовых правовых компетенций авторов доклада по такому важному поручению. Их предложения нарушают Конституцию и федеральные законы; игнорируют указы Президента; подрывают доверие к государству. С правовой точки зрения доклад похож на саботаж.

С точки зрения же содержательной и аналитической, это слабый, очень «доморощенный», нелогичный, противоречивый и предвзятый документ, преисполненный конфликтами интересов и коллекционирующий обиды на современность, в которую почему-то нет ни сил, ни желания вписаться. Как анализ доклад слаб, так как нет первичных данных — только вторичная обработка отчётов. Нет методологии — как собирались и проверялись данные? Нет голосов (бенефициаров) — детей, семей, педагогов. Игнорируется Конвенция о правах инвалидов, да еще и с призывом ее

отменить – доклад не ставит под сомнение сегрегацию. Нет сравнительного анализа – как дела в регионах? Почему не как в Бразилии или Китае?

Настоящий комплексный анализ требует независимого мониторинга с выездом в школы; глубинных интервью и независимых (с приглашенными операторами социальных исследований) опросов семей и педагогов; сравнения с международными стандартами (законодательство в сфере специального и инклюзивного образования стран БРИКС).

Это не исследование, а ведомственный отчет, создающий иллюзию работы.